

14

РОССИЯ №19 (971) — 2006 —  
общенациональная газета  
1-7 июня 2006 годаБеседовала  
Евгения Ульченко

**Актера нескольких поколений — наших пап, мам, дедушек и бабушек, а теперь уже и детей, народного артиста СССР, руководителя старейшего в стране Малого театра, кинорежиссера и просто «Адьютанта его превосходительства» уважают во всем мире. За честность, принципиальность, талант и за свой взгляд на то, что происходит на сцене, экране и в жизни.**

— Юрий Мефодьевич, в этом году Малому театру исполняется 250 лет. Недавно в рамках юбилея вы побывали в Прибалтике. Говорят, что на эти гастроли вы согласились с одним условием. Каким?

— Один спектакль для русскоязычного населения в Риге нам разрешили сыграть бесплатно. Добиться этого было не так просто, но в противном случае мы отказались бы от поездки. Приглашения от театра получили школьники и учителя русского языка и литературы, ветераны Великой Отечественной войны, бывшие узники концлагерей. Перед началом спектакля — это была пьеса «На всякого мудреца довольно простоты» — на сцену вышла Элина Быстрицкая. Накануне она сильно подвернула ногу, но не стала откладывать выступление. Играла и утром, и вечером. В зале плакали: «Теперь мы знаем, что Россия нас не забывает». К сожалению, пресса никак не отреагировала на нашу акцию, но мы и шума не поднимали.

— А какая премьера ждет зрителей к торжественной дате?

— Главная — это «Ревизор». Только что мы показали спектакль под занавес. С него, скорее всего, осенью и откроемся. Ведь «Ревизор» в Малом — это целая театральная история. После неудачной постановки пьесы в Александринке реабилитировали «Ревизора» именно здесь, и сам Шепкин блистательно сыграл роль Горюхина. Потом премьерой «Ревизора» открылся филиал Малого театра. В 1938 году в роли Хлестакова дебютировал Ильинский. Дальше уже сам Ильинский поставил эту пьесу, а я играл в ней Хлестакова. И, наконец, в 1982 году уже в моей с Венским постановке Хлестакова сыграл мой брат Виталий.

— Наверное, надо отрешиться от всей этой истории, чтобы получился новый спектакль.

— Когда мы с актерами начали репетировать, они меня спросили, как это сейчас модно: «Какая будет концепция?» А потом сели, стали читать и буквально через несколько минут свалились от хохота. Это настолько «сегодня», что ничего добавлять не надо. Ну, вот, например: «Лекарств дорогих мы не употребляем. Простой человек, если выживет — то он и так выживет, а если умрет — то и так умрет».

— Бурные режиссерские экзерсисы Малый театр обходит стороной. Есть критики, которые говорят чуть ли не предвзято: ну, это традиционный театр...

— Это проблемы критиков. У каждого народа, который себя уважает, должны быть традиции. Например, во Франции о «Комеди Франсез» так не говорят. Я знаю, конечно, что там давно уже ставят все, что угодно, включая Боба Вилсона. И все равно это «Комеди Франсез». Если бы мы не нравились зрителям, нас давно бы уже скупали, разбирали по кирпичикам. На худой конец, открыли бы здесь какое-то варьете. А мы живем. И играем классику так, чтобы школьники не думали, что Чехов писал пьесы с названиями, которые мне и вспоминать не хочется. Хотите что-то сказать на современную тему, напишите новую пьесу — и посмотрим, будут ли на вас ходить. А вообще все проверяется временем. И про Островского когда-то писали, что он «провонял сцену полубубком». Так что позвоним — увидим... Журналистам не надо натравливать одних режиссеров на других.

— Ваши зрители за последние годы как-то изменились?

— Публика не меняется. Просто приходят дети и внуки тех, кого приводили сюда бабушки и дедушки, мамы и папы. Очень много людей, кото-

рые приезжают в Москву на несколько дней. Они хотят посмотреть и Большой, и Малый театры.

— Вы порой довольно резко отзывались о «поколении пепси». Ему не место в вашем театре?

— Тот, кто постоянно пьет пепси, через какое-то время попадет к врачу с заболеванием желудка. Когда я смотрю на молодого человека, который то откроет бутылку пепси, то закроет, отошлет глоточек и ходит с этой тарой целый день, мне, естественно, хочется сказать: «Родной, подключи мозги!» И почему в театре мы должны быть ориентированы на него? Почему мы должны не поднимать его до себя, а идти у него на поводу? Это неправильно, потому что сцена всегда выше жизни. Недаром она приподнята над залом.

— Вы родились и выросли в Чите. Бываете там с гастролями? Читинские зрители отличаются от столичных?

— К сожалению, у себя в Чите я не был давно. Но я так скажу: любой провинциальный зритель отличается от московского. Даже не нужно далеко ходить. В Твери, Пензе, Костроме на спектакль приходят, надев на себя самое лучшее. Для них театр — праздник. Я понимаю — в Москве трудно. Ты домой не заехал, работал... Но знаю: есть и молодые, совсем дети, — приходят в театр, переодевают обувь. Особенно зимой. Я смотрю на это с таким уважением.

— Вы артист в первом поколении? Кем были ваши родители?

— У них сибирские корни. Отец, Мефодий Викторович, родом из Забайкалья. Мама, Зинаида Афанасьевна, — из Томска. Оба прекрасные музыканты, отец свободно играл на всех струнных инструментах, у матери был хороший голос — меццо-сопрано. Родители преподавали музыку в городском Доме пионеров и в Доме народного творчества. Кстати, с Читой то времени связаны имена Олега Лундстрема, Николая Задорнова, Константина Седых. Культурный был город...

— Вы человек православный и, наверное, родители тоже были верующими?

— Мать — нет, по ее линии многие занимались революцией... А отец был верующим, и ему приходилось это скрывать. Он ведь в партии состоял. Дома мы иногда над ним посмеивались, потому что мальчишкой Мефодий Викторович был служкой в церкви. Он пел в хоре. А его отец, мой дед, был церковным старостой. Он работал морзистом на телеграфе — солидная по тем временам должность. Однажды зимой дед из храма не возвратился. Сказали, что замерз, но теперь я думаю — его просто убили. Говорили, что он мог быть выпившим. А это совершенно исключено...

— У Малого театра ведь хорошие отношения с Московской патриархией?

— Мы помогаем патриархии чем можем, а она нас благословляет на какие-то вещи. Должен сказать, что и Алексей II, наш патриарх, иногда приходит на премьеры. Обычно он бывает здесь и на годовых патриарших елках — с детьми общается. Правда, в этом году он плохо себя чувствовал и прийти не смог.

— Сейчас в театральной среде только и разговоров, что о реформе. Как вы к ней относитесь?

— В ней нет никакой необходимости. Кому вообще это в голову пришло? Назовите мне имя этого человека! Наша театральная культура стоит на хорошем уровне. Иначе не возникло бы так много новых театров. В том числе — в провинции. Посмотрите, откуда сейчас привозят спектакли на фестивали и даже премии получают. Только что у нас в Малом прошел фестиваль

Юрий СОЛОМИН:

## Сцена всегда выше жизни



«Островский в Доме Островского». Были театры из 30 городов начиная от Владивостока. Кто говорит, что нужна реформа? Для меня она заключается в пересмотре собственности. Не надо тогда закрывать глаза и обманывать. И среди творческих работников тоже есть неглупые люди, которые кое-что понимают в экономике. Почему? Да, чтобы выжить, надо быть гением экономиком... Мы говорим: не надо лучше, нам хорошо, мы только не трогайте. Нет, нас загоняют в угол. За это отчитайся и за то. Ах, тебе дали спонсоры? Значит, ты украсть хочешь! Положить в карман. Это лично меня оскорбляет. Думаю, что и много моих коллег. Мы ничего в карман себе не кладем. Да в театре и украсть нечего, кроме лигнина и вазелина, понимаете? Ну что я, роль буду красть? Ведь самое дорогое — это роль. Украсть ее человек не может.

— Вы были первым российским министром культуры и добились двух процентов отчислений на нее. А сегодня есть ли у вас возможность повлиять на ситуацию?

— Я говорил уже на высоких уровнях о том, что есть режиссеры, певцы, художники, артисты балета, артисты цирка, полностью посвятившие себя искусству. Их всего осталось в стране не более 70 человек. И выделение им пожизненной финансовой поддержки было бы крайне важно. Артист не должен проводить последние годы в нищете. Ведь сегодня, если он на годовой патриарших елках — с детьми общается. Правда, в этом году он плохо себя чувствовал и прийти не смог.

— Сейчас в театральной среде только и разговоров, что о реформе. Как вы к ней относитесь?

— В ней нет никакой необходимости. Кому вообще это в голову пришло? Назовите мне имя этого человека! Наша театральная культура стоит на хорошем уровне. Иначе не возникло бы так много новых театров. В том числе — в провинции. Посмотрите, откуда сейчас привозят спектакли на фестивали и даже премии получают. Только что у нас в Малом прошел фестиваль

фильме «Полосатый рейс», исполосованная зверями, доживала свой век в Нижнем Новгороде, запершись в однокомнатной квартирке... Когда мы встречались с Владимиром Владимировичем Путиным по поводу празднования 250-летия театра, я поднял и этот вопрос. И Владимир Владимирович обещал поддержать.

— Почему вы тогда ушли из министерства и что думаете о его работе сегодня?

— В этом самом кабинете я написал заявление об уходе на имя президента Ельцина. До сих пор не знаю, было ли оно подписано. Просто, отдав его, я больше в министерстве не появился. Думаю, что все было сделано, чтобы я ушел. Не сносить меня никто не мог. Не за что было. А вот утверждали меня на должность единогласно. Хотя недоброжелатели потом удивлялись, что Соломин согласился. И не стыдно ему? А почему, собственно, и за что? Я в искусстве 50 лет, артист, режиссер, педагог, на тот момент с 30-летним стажем. Если бы меня назначили министром здравоохранения, то понятно. А тут... Это были личные отношения. А нынешнее разделение министерства я не совсем понимаю. Просто спрашиваю: в каком министерстве? В соколовское или шведское? Для меня это два ведомства. Считаю, что так быть не должно. Все новые экономические приспособления коснулись шаблонов культуры. Как в медицине или сельском хозяйстве, так и в культуре. Я глубоко уважаю людей, которые работают в сельском хозяйстве. Но артист и агроном — это разные профессии.

— На протяжении многих лет в искусстве у вас были не только завистники, но и близкие люди, друзья. Вы хорошо знали Курасова. Расскажите, каким он был?

— Он был гордый человек. Настоящий самурай из северной части Японии: высокого роста, худощавый, поджарый. Его всегда называли «императором» японского кино. И это справедливо. Но «императору» частенько перекрывали кислород. Может, поэтому он и записал. Он всю жизнь любил пить «Столичную» водку. И во всех ресторанах, где мы бывали, ее заказывал. Правда, водочку Курасова разбавляли, даже если приносили бутылку. А ему немного и надо было — вестибулярный аппарат не годился никакому... Тридцать с лишним лет мы переписывались. К Новому году он обычно присылал мне открытки, которые сам рисовал. Он был прекрасным профессиональным художником. Я безмерно его уважаю. «Сэнсэй» — японский учитель. Я называл его так даже при жизни. Он действительно много мне дал. А самое главное, за руку вывел на международный экран. Это дорогого стоит... Я никогда не мечтал стать большим, чем артистом. Первый раз поставил «Лес» Островского с легкой руки Курасова. Он где-то в зарубежном интервью сказал, что Соломин-сан обладает режиссерскими данными. И меня сразу же пригласили в болгарский театр.

— Вы снимались в фильме «Дерсу Узала». Правда, что тогда Курасова пытался покончить с собой?

— Это было раньше. У него намечался в то время первый

зарубежный проект. Он собирался снять в Голливуде фильм про американско-японскую войну «Тора! Тора! Тора!». Но американцы стали диктовать свои условия. А Курасова делал либо так, как хотел, либо вообще не мог работать. Поэтому он порвал контракт, выплатил огромную неустойку и был почти разорен. Психологическая травма наложила на болезнь — у него ноги отказывали. Курасова перерезал себе вены, но от гильотины его спасла жена. Наверное, он был очень благодарен ей за свою вторую жизнь, потому что по его просьбе их хоронили вместе. Я не мог приехать на похороны, но на могиле позже побывал.

— Когда вы видели Курасова в последний раз?

— За год до его смерти. В нашу последнюю встречу Курасова пригласил меня на ужин. Я предложил ему поехать в спектакль в Малом. У него глаза загорелись. Все, кто тогда на ужине присутствовал — его дочь, его помощник, второй режиссер, — начали уговаривать. И он завелся: «Знаешь, у меня не получился фильм «Идиот». Так хотелось бы его переделать!» На этом и сошлись. Но ему еще надо было закончить фильм, он совсем плохо себя чувствовал... Так ничего и не вышло. А ведь он хотел после «Дерсу Узала» и вторую картину делать в России. Нашел сценарий по рассказу Эдгара По «Красная маска смерти», его перевели на русский. Меня пригласили на центральную роль. Но на «Мосфильме» начались интриги, и Курасова обидели. Больше мы не встречались. Спустя время я по его приглашению приехал в киношный клуб, который он организовал, но Курасова уже не застал...

— В японском фильме «Сны о России» вы снимались с Мариной Влади. К ней ведь до сих пор неоднозначное отношение. Как вы у вас остались воспоминания о знакомстве с Владой?

— Она играла Екатерину, я — вельможу... Это был 91-й или 92-й год. Съёмки шли в Царском Селе, во дворце. Марина очень разговорчивый человек. Простая в общении — это не просто белая рубашка,

что чисто по-человечески я понимаю, почему Высоцкий когда-то выбрал именно ее. Конечно, о Влади рассказывают всякое. Но это уже дела семейные... С этой стороны я Марину не знал, а вот работала она классно.

— Вам часто задают вопросы о вашем брате Виталии и непростых отношениях с ним. Он был так не похож на вас... А вы по-прежнему не хотите говорить на эту тему?

— Что бы я ни рассказал, все ударит рикошетом. Разговоры начнутся досужие. К чему? Это мой брат. У него осталась семья. Искусство — дело непростое, очень много интриг. Я стараюсь держаться подальше от этого. Наши с Виталием разногласия с годами обрастают всякими несуразицами и небылицами. То, что у брата было свое видение театра, однозначно. Но мы с ним были воспитаны в одной театральной вере.

— Как вы считаете, почему Виталий так рано ушел из жизни?

— Переработал. Это многих актеров постигает. Надорвался. Человек надрывается. Другой ушел бы со сцены и остался бы жив. Виталий доиграл до конца, до антракта. Он был принципиальным. И это стало трагедией.

— Чем на протяжении жизни для вас была собственная семья? Кто у вас главный в доме?

— Не знаю, мы власть не делили никогда, у нас равноправие. Хотя я иногда шучу: кто денег больше принес, тот и главнее. А так — обычная актерская семья. Жена Ольга Николаевна, как и я, преподает в театральном. Дочь Даша — музыкант. Она пианистка. Внучка Саша пошла по ее стопам, уже выступает и у нас, и за рубежом. Даже успела стать лауреатом нескольких международных конкурсов. Я ею горжусь и очень люблю.

— Газеты писали, как в конце 70-х вы принимали снимающихся у вас фильм немецких журналистов не у себя дома, а в театре. И немецкий зритель решил, что шикарные интерьеры XIX века — и есть дом актера Соломина. Прошло 30 лет, сегодня вам есть где встретить гостей?

— Теперь я не только немецкую делегацию, а и киргизскую, если она придет, должен буду принять либо в театре, либо в ресторане... Как-то так все нескладно у меня получается. Нет возможности, потому что крыша в доме течет. Об этом несколько лет назад написала «Комсомолка»: «У Соломина потекла крыша». Потом ее быстро сделали. Сразу приехали. А через два года она опять потекла, но газеты уже молчали. Я куда-то обратился... А в декабре — опять. И вот теперь я жду, когда все просохнет. Хочется, конечно, что-то сделать... Но в одну глупость юридическую все упирается, то в другую. Бумажки какие-то есть. Нельзя по ним жить. Скоро уже до туалетной дойдем. Я этим делом заниматься не умею, честно говоря. Вроде есть люди, которые готовы помочь. Но я их тоже понимаю: если всем помогать, когда же работать? Поэтому никого особенно не терроризирую... У меня, к счастью, спокойная семья. Творческая. Поэтому ладно, ничего лишь бы на голову не упало...

— Имидж публичного человека, артиста требует сегодня немалых затрат. Есть у вас в одежде свой стиль?

— Я знаю, какие часы нужно носить, какую обувь. Сколько вилков кладут в ресторанах. Знаю, как нужно есть. В Шепкинском училище нас учили этикету. Бывал и на раутах. Много ездил по миру. Теперь есть и друтой этикет, когда ты идешь на так называемые тусовки. Конечно, все это требует денег. Пока я не бедствую, но кто знает, что впереди? Меня волнует молодежь. Какой стиль выбрать, она сама поймет, но хорошо бы ввести в наших институтах культуру общения.

— Что входит для вас в это понятие?

— Культурный человек — это не просто белая рубашка,

черный костюм и стрижка. О раз такой стрижка, значит, ни о какой культуре здесь речь идти не может!.. Воспитывать надо. Сейчас многие выезжают за рубеж — в командировку, на гастроли, по личным делам, на отдых. И стали писать — форма одежды вечерняя. Длинное платье у женщин. Смокинги и фраки у мужчин... Даже в казино — хорошее, большое — без бабочки и пиджака тебя не пустят. У нас-то еще пускают. Скоро, наверное, не будут.

— Вам доводилось бывать в заграничном казино?

— Честно говоря, только два раза. Один раз в Бадене-Бадене, где Достоевский играл... Вот такая компания. А второй раз в Венеции. Там недалеко есть остров, где находится самое шикарное в мире казино. Я сделал ставку и сразу же все проиграл, поскольку сумма была небольшая. Но не это меня волновало. Хотелось походить и все посмотреть, для этого нужно было сначала проиграть...

— На отдых время у вас остается? Как обычно вы проводите свой отпуск?

— Практически никак всю жизнь. Три года назад болезнь заставила отдохнуть как следует. С тех пор провозжу отпуск под Москвой. Но для меня две недели уже достаточно. Дача старенькая, никаких вилл, довоенной постройки. Там у меня четыре собаки. Есть немецкая овчарка Маклай, есть терьер Ляля, дворняжка Лушка и дворняжка Яшка. Они для меня — души. У них разные характеры и разное ко мне отношение. О каждой можно книгу написать.

— У вас в доме всегда жили животные?

— Мы обычно подбирали и выхаживали больных. И никто от них в семье не заразился — ни дети, ни внуки. Недавно такая история тут произошла: дочь актрисы нашего театра подобрала щенка. Он был прибит за уши к дереву. Кругом были торговые палатки и масса людей. И никому не было до этого дела. Собака выжила, но до сих пор не чувствует боли. В такое мы время живем. А в Москве у нас две кошки. После того как последняя умерла — она была очень старая, — мы уже даже не хотели их больше завести, но вот подобрали. А недавно внучка еще одного котеночка принесла. Так что кошки пока здесь, а собаки отдыхают на даче. Я им создаю все условия. Когда мне трудно и тяжело, еду туда к ним и с ними общаюсь.

— У вас большая библиотека. До книг руки доходят?

— Кроме пьес и сценариев, к сожалению, мало что читаю. Недавно Малый театр выпустил второе издание книги Ленского. Вот его портрет висит у меня. Александр Павлович был первый русский режиссер, артист, педагог. Его ученики — Остужев, Рыжова, Пашенная... А Пашенная — моя учительница. Значит, Ленский — мой дедушка. И его книгу я сейчас частенько беру в руки, нас многое с ним связывает. Я даже написал предисловие к этому переизданию.

Внучка у меня сейчас стала увлекаться стихами. Сашка влюбилась в Есенина, а до этого купила книжку Рубцова. Искала у нас дома — я говорю: есть, есть где-то, — но не нашла. Так теперь она прочитала Рубцова запоём, и я вместе с ней перечитал. Я тоже стихи люблю.

— Немного лет назад вашим именем была названа новая планета. У вас много заслуженных званий и наград. Гордитесь по этому поводу испытываете?

— Традиционно отношусь. Если ты специально что-то для награды делаешь, это ее обесценивает. Сейчас вообще все обесценилось, но это уже другой вопрос. Когда астрономы вручали мне сертификат, я сказал, что беру себе только шесть соток, остальное — Малому театру, который меня воспитал. Внучка спрашивает: «А это по наследству передается потом?» — «Ну, потом суп с котом». На стержня награды не разрешаю.

## Слова

Виктор Борцов:

— Я знаю его «с мальчиков». Сколько жел лет прошло с тех пор, как мы в 53-м году встретились в Шепкинском училище и сели вместе в аудиторию?.. Просто не хочется в эти цифры верить. Энергия у Соломина фонтаном била. После лекции он вскакивал и подпрыгивал иногда на полметра в высоту, чтобы размяться. Все летит, все меняется, но у него хватает молодости и сил, чтобы везде успевать. Юрий ведь всю жизнь многоэтапничек — и в кино, и в театре, и в школе курсы выпускает... Словом, молодец! А потом, посмотрите:

Таганка — разделилась, МХАТ — разделился. Было время, когда и у нас в Малом находились желаящие. Слава богу, что у Юрия хватило терпения и рассудка не потерять театр.

Элина Быстрицкая:

— Соломин сумел сохранить театр на том уровне, который сегодня встречается редко. Спасибо ему за то, что Малый, как и 250 лет назад, продолжает ставить классику. В июне у Юрия Мефодьевича день рождения, и я желаю ему здоровья и успешной премьеры — сейчас он выпустил спектакль «Ревизор».